

Моргунов К.А.
Министерство информационной политики,
общественных и внешних связей Оренбургской области

ПРАКТИКА РАСКРЕПОЩЕНИЯ ЖЕНЩИН НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ХОДЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1920-е гг.

Органами власти проводилась большая работа по выравниванию политико-правового и социального неравенства женщин из среды национальных меньшинств. В конечном счете, это привело к разрушению традиционных бытовых укладов и вовлечению женщин различных национальностей в социалистическое строительство.

Приступая к осуществлению комплекса мероприятий, связанных с реализацией национальной политики советские органы власти столкнулись с немалыми трудностями, связанными со спецификой традиционного уклада жизни и религиозных постулатов у отдельных этнических групп населения.

Советская Конституция 1918 г. гарантировала равноправие мужского и женского населения страны. Национальные же традиции и религиозная мораль стояли на пути реализации этого конституционного начала, по своему трактуя положение женщины в обществе. Отсюда политика, направленную на эмансипацию женского населения, можно рассматривать как одно из направлений деятельности советских органов по целенаправленному разрушению традиционных бытовых укладов, стоящих на пути распространения новой идеологии. В этой связи большой интерес вызывает практика выравнивания политико-правового и социального статуса женщин в таком многонациональном и поликонфессиональном регионе как Южный Урал.

Женское национальное население Южного Урала, и, прежде всего женщины-мусульманки, находилось в особых национально-бытовых и религиозных условиях, обуславливающих больший, нежели у русских, консерватизм со стороны значительной части мужского населения, в условиях господства традиционного уклада жизни, укорененной в форме обычая, морали и религиозных догматов. То же самое можно сказать и о немцах-меннонитках, вероучение которых не поощряло участие женщин в любых сферах общественной жизни за пределами религиозной общины и кухни.

Справедливости ради следует отметить, что робкие попытки провозгласить женское равноправие предпринимались и прежде. В этой связи следует отметить решения I Всеобщего съезда башкир, состоявшегося в Оренбурге еще в июле 1917 г., которые стали первым шагом к закреплению основных принципов равенства

правового статуса женщин-мусульманок, в том числе и в политической сфере. Большую роль в принятии этих решений сыграла делегатка от Самарской губернии, 16-летняя учительница Рабига Юмангулова, которая обратилась в оргкомитет с просьбой о внесении «женского вопроса» в повестку съезда. Она же выступила в качестве основного докладчика по данному вопросу. В своем выступлении Рабига Юмангулова предложила конкретные меры по реализации женского равноправия: предоставление башкирским женщинам полного равноправия наравне с мужчинами; права избирать и быть избранными, создание в этих целях отдельных участков для избирательниц-женщин; установление запрета выдавать замуж девушек, не достигших 17 лет; предоставление женщинам права развода; запрещение мужчинам жениться на 3-4 женщинах; введение обязательного обучения башкирских девочек на родном и русском языках [1].

На эти предложения резко реагировали не только представители духовенства, но и многие известные политические деятели. Несмотря на это, съезд, в своем постановлении «О женском вопросе», закрепил юридическое признание башкирских женщин равноправными гражданами общества.

Попытки организации массового женского движения и вовлечения женщин из среды национальных меньшинств в активную общественную жизнь стали предприниматься органами советской власти с начала 1920-х гг. Основная работа среди женщин велась под руководством специальных женских отделов и коллегий, создаваемых при советских и партийных органах, как на местах, так и в Центре. При отделе работниц и крестьянок ЦК РКП(б), в частности, в 1920 г. была создана специальная секция для работы среди женщин Востока.

Однако отсутствие грамотных и подготовленных кадров, знающих язык «коренного населения», способных продуцировать и распро-

странять среди женщин новые образцы ценностных норм поведения, стереотипы мышления, готовых осуществлять от имени государства управленческие функции, тормозило принятие активные меры по раскрепощению женщин. Как отмечалось в отчете женотдела Башкирского обкома РКП(б) «О работе среди женщин за 1923 г.», основной трудностью в проведении этой работы стал недостаток и слабая подготовка уже имеющихся работников, особенно из среды национальных меньшинств.

С целью подготовки квалифицированных организаторов женской работы при Уфимской совпартшколе была создана секция, давшая уже в 1923 г. 7 работниц кантонного масштаба, из которых трое были направлены на работу среди башкирских и татарских женщин. В целом же национальный состав работниц областных, кантонных и городских женотделов по Башкирской АССР в 1923 г. выглядел следующим образом: русских – 10, татарок – 12, башкирок – 1, чувашек – 2, латышек – 1, евреек – 1, морденок – 1.

Тем не менее, уже в этот период начинается систематическая работа среди женщин во всех городах Башкирии. К 1923 г. в Уфе работало два районных женотдела, в кантонных центрах были созданы кантженотделы. Основной работой и главным опорным пунктом работы женотделов стал институт делегатов. На их собраниях, заседания которых проводились еженедельно, работа среди женщин велась по определенной программе. Всего за 1923 г. только учтенных таких собраний по БАССР было проведено 518, из них среди женщин башкирской и татарской национальности 234 (92 городских, 52 волостных и 90 сельских собраний). Общее же количество делегатов к этому времени по республике составляло 2573 женщины, из них 1076 были башкирской и татарской национальности (430 в городах и 646 среди крестьянок) [2].

К 1925 г. численный состав делегатов по БАССР значительно увеличился, составив 6853 женщины, из них: русских – 3722, татарок и башкирок – 2716, прочих национальностей – 415 делегатов. В состав женотдела при Башкирском обкоме ВКП(б) входило 3 сотрудницы – 1 татарка и 2 русских. Национальный состав заведующих кантженотделами в 1925 г. был следующим: русских – 5, татарок – 4, морденок – 1. Должности инструкторов при женотделах занимали 3 представительницы русской национальности, 4 татарки, по одной башкирке и латышке [3].

Меньшее развитие приобрел институт делегатов среди татарок и башкирок в Челябинском округе, где к 1924 г. имелось всего 114 делегатов (в Катайском районе – 90, остальные в Яланском и городских районах). В Троицком округе в 1925 г. делегатское движение объединило 41 женщину татарской и башкирской национальности [4].

Другой формой организации работы среди женщин стало проведение беспартийных конференций женщин. В течение 1923 г. по городам Башкирии было проведено 50 подобных конференций, в работе которых приняло участие 13900 женщин, из них около 35% приходилось на башкирок и татарок. Волостных беспартийных конференций женщин за тот же период было проведено 56, из них для башкирок и татарок – 25. Кроме того, в башкирских волостях женотделом была организована работа шести огороднических артелей и одного женского татаро-башкирского клуба (в Месягутовском кантоне).

Большая работа проводилась женотделами в области правовой защиты женщин. В 1923 г. Постановлением Президиума Башкирского ЦИК по предложению женотдела Башкирского обкома РКП(б) в Семейный кодекс была включена норма о запрете многоженства. При женотделе было организовано бюро юридической помощи женщинам. Для изжития еще часто встречающихся случаев калыма, умыкания и многоженства при женотделах устраивались показательные суды, ставшие хорошей формой морального воздействия [5].

Как всегда, апогей внимания к женщинам, как со стороны мужчин, так и со стороны органов власти, приходился на 8 Марта. Так, в 1923 г., к международному дню работниц, Киргизский ЦИК принял постановление, в котором местным органам власти было предложено принять все необходимые меры для расширения сети опорных пунктов по ликвидации неграмотности среди казашек, открыть при Кирсовпартшколе специальное женское отделение на 50 человек для подготовки специалистов по работе среди казахских женщин. Все суммы и имущество, взыскиваемые судебными органами КССР в виде штрафов и конфискации за нарушение декретов о запрете калыма и иных законов в области раскрепощения казахской женщины, предписывалось направить на нужды школьного строительства, открытие клубов и других культурно-просветительных учрежде-

ний в казахских районах [6]. В целях организации в кочевых районах сети разъездных акушерских пунктов при фельдшерско-акушерских курсах было решено открыть отделение для подготовки акушерок из казашек.

При проведении предвыборных кампаний особое внимание уделялось вопросам национального представительства, в том числе привлечению к избирательным кампаниям женского населения. Советскими и партийными органами распространялись соответствующие циркулярные письма и инструкции, в которых указывалось на необходимость учета в ходе проведения избирательных кампаний и при выдвижении кандидатов национального фактора, привлечения женщин из числа национальных меньшинств.

По результатам проведения избирательной кампании 1926 г. подотделом национальных меньшинств Башкирского обкома ВКП(б) отмечалась, что явка на избирательные собрания женщин-чувашек составила от 15 до 20% (всего у чувашей явка на выборы составляла от 45 до 60%) [7]. В сельских советах Чураевской волости Бирского кантона к 1925 г. числилось 95 членов, из которых 66 членов были марийской национальности, в том числе 17 женщин [8].

Особенно трудно проводилась подготовительная и отчетно-предвыборная работа среди мусульманского населения Оренбургской губернии. Явка на собрания казахского, татарского и башкирского населения была крайне неудовлетворительной. Губизбирком объяснял это неорганизованностью, забитостью бедноты, влиянием байства и мулл. Увеличению активности избирателей, особенно среди казахского населения, как ни странно, способствовала исконная родовая вражда, доставлявшая немало осложнений в работе местных избиркомов и уполномоченных. Для того чтобы обеспечить большинство голосов за выдвигаемую кандидатуру, тот или иной род использовал все возможные к этому меры, в том числе и привлечение женщин к «механическому» поднятию рук за тех кандидатов, на которых указывали их мужья. Посещаемость собраний среди женщин-казашек в 1927 г. была в целом довольно высокой – 25-37% (процент явки на собрания среди всего казахского населения доходил до 60-70%). Однако сознательное участие их в обсуждении кандидатур и голосовании все же было крайне незначительным (по данным избиркома за 1927 г. – 5-6%) [9]. Обыкновенно женщины голосо-

вали за тех, за кого поднимали руки их мужья. Таким образом, самостоятельная роль казахских женщин была крайне незначительной. Намечаемые на предварительных женских собраниях кандидатуры женщин в Советы при их обсуждении на общих собраниях проваливались под сопровождение насмешек со стороны мужчин.

Особенная пассивность проявлялась среди женщин-немок, что объясняется традиционным религиозным консерватизмом меннонитов. Некоторый сдвиг в сторону увеличения активности женщин данной категории поселенцев (Уранская волость) произошел в период избирательной кампании 1927 г. Если еще в 1924 г. в отчете Уранского волисполкома отмечалось господство патриархального быта, выражавшегося в том, что на общие собрания населения, а также на собрания членов земельных обществ собирались исключительно домохозяева, главы семей, что исключало возможность присутствия на собраниях молодежи и женщин, то уже в ходе предвыборной кампании по выборам в Советы по Оренбургской губернии 1927 г. отмечается активизация немецкого населения, в частности, женщин, впервые включившихся в эту кампанию организованной массой. Их явка на собрания с 14% в 1926 г. повысилась до 26%, при общем росте с 42% до 48,6% [10]. Оживлению их активности способствовало то, что собрание впервые проводилось на немецком языке (для большинства женского населения немецких колоний это был единственный язык общения), а также усиление агитационной работы на местах именно среди немок. Для женщин было выпущено специальное обращение на немецком языке, призывающее их к перевыборам Советов. Распространение этих обращений осуществлялось с привлечением учащихся школ.

Ярким примером реализации женщинами из числа национальных меньшинств своих политических прав и свобод, вовлечения их в общественную и государственную жизнь стал Первый съезд работниц и крестьянок Оренбургской губернии, прошедший в октябре 1927 г. На съезде присутствовали женщины – члены местных советов. Предварительно, в соответствии с инструкцией ВЦИК, были проведены районные и городские собрания работниц и крестьянок. Только по трем районам – Домбаровскому, Покровскому и Петровскому такие съезды проведены не были, вследствие незначительного числа женщин-членов Советов и неявки их на означенные съезды. Данные о на-

Таблица 1. Национальный состав делегатов районных и городских съездов работниц и крестьянок Оренбургской губернии (1927 г.) [11]

Съезды	Русских		Украинок		Татарок		Морденок		Казашек		Башкирок		Немок		Латышек	
	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
Районные	227	85,3	15	5,7	9	3,4	7	2,6	5	1,9	3	1,1	-	-	-	-
Городские	63	92,5	1	1,5	2	3	-	-	-	-	-	-	1	1,5	1	1,5
Всего по губернии	290	86,8	16	4,8	11	3,3	7	2,1	5	1,5	3	0,9	1	0,3	1	0,3

циональном составе делегатов по остальным районам приведены в таблице 1.

Всего на съезд прибыло 69 делегатов от сельских районов и 21 – от городов. Среди прибывших на съезд русские составили 75 делегатов (83,3%), украинки – 4 (4,4%), мордочки – 4 (4,4%), татарки – 3 (3,3%), башкирки – 2 (2,2%), казашки – 2 (2,2%). Из числа участниц губернского съезда были избраны 4 представительницы на Всероссийский съезд женщин-членов сельских и поселковых советов, проходивший в Москве в октябре 1927 г.

Задачи улучшения работы среди национальной молодежи были поставлены на IX Оренбургской губернской конференции РЛКСМ, проходившей в период с 25 февраля по 1 марта 1926 г. В резолюции по работе среди молодежи национальных меньшинств отмечался слабый приток в ряды комсомола девушек, особенно татарок и казашек, на конференции была поставлена задача усиления работы по вовлечению их в комсомол путем приспособления работы местных организаций к хозяйственным и культурным запросам девушек. Одновременно отмечалась необходимость вести самую решительную борьбу «...с хулиганством и игнорированием девушек комсомольцами» [12]. В области практической работы среди девушек было предложено проводить отдельные собрания для девушек, на которых разъяснять законы Советской власти в области защиты прав женщин, в первую очередь о запрете многоженства, калыма и пр.

При пунктах ликвидации неграмотности было предложено создавать отдельные группы для девушек из национальных меньшинств. Для работы среди девушек было указано на желательность использования комсомолок той же национальности. Реализация намеченных на конференции мероприятий, в конечном счете, была направлена на вовлечение девушек из числа национальных меньшинств в активную общественную жизнь, и тем самым существенно изменить их социальный статус.

В основе деятельности советских и партийных органов по раскрепощению женщин из среды национальных меньшинств лежало прагматическое начало. Введение в советские и партийные аппараты всех уровней женщин, представляющих различные этнические группы населения позволяло, с одной стороны, приблизить деятельность государственных органов к традиционно замкнутым национальным сообществам и способствовало разрушению традиционных бытовых укладов жизни, что препятствовало распространению новой идеологии. С другой стороны, искусственное вовлечение женщин национальных меньшинств в активную общественную жизнь, введение их в общую структуру органов советской власти и партийной номенклатуры стало одним из опорных пунктов на пути к ликвидации исторически обусловленных элементов неравноправия женщин в социальной и политико-правовой сферах.

Список использованной литературы:

1. Цит. по: Сулейманова Р.Н. «Женский вопрос» на I Всеобщем съезде башкир // Оренбургскому краю – 250 лет. – Оренбург, 1994. – С. 101-102.
2. ЦГАООРБ. Ф.122. Оп. 2. Д.121. Л. 35, 36, 41, 43.
3. ЦГАООРБ. Ф.122. Оп. 4. Д. 36. Л. 86.
4. ОГАЧО. Ф.75. Оп.1. Д.154. Л. 8; Ф.170. Оп.1. Д.349. Л.36.
5. ЦГАООРБ. Ф.122. Оп. 2. Д.121. Л. 42, 43, 44.
6. ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д. 545. Л. 74.
7. ЦГАООРБ. Ф.122. Оп. 5. Д.197. Л.12; Оп. 4. Д.160. Л.129.
8. ЦГАООРБ. Ф.122. Оп. 4. Д.161. Л. 46-47.
9. ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1073. Л.11-11об, 16об.
10. ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д. 584. Л. 92; Д. 1073. Л. 8об.
11. ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д. 1087. Л. 1.
12. Резолюции IX Оренбургской Губернской конференции РЛКСМ. - Оренбург, 1926. – С. 46.